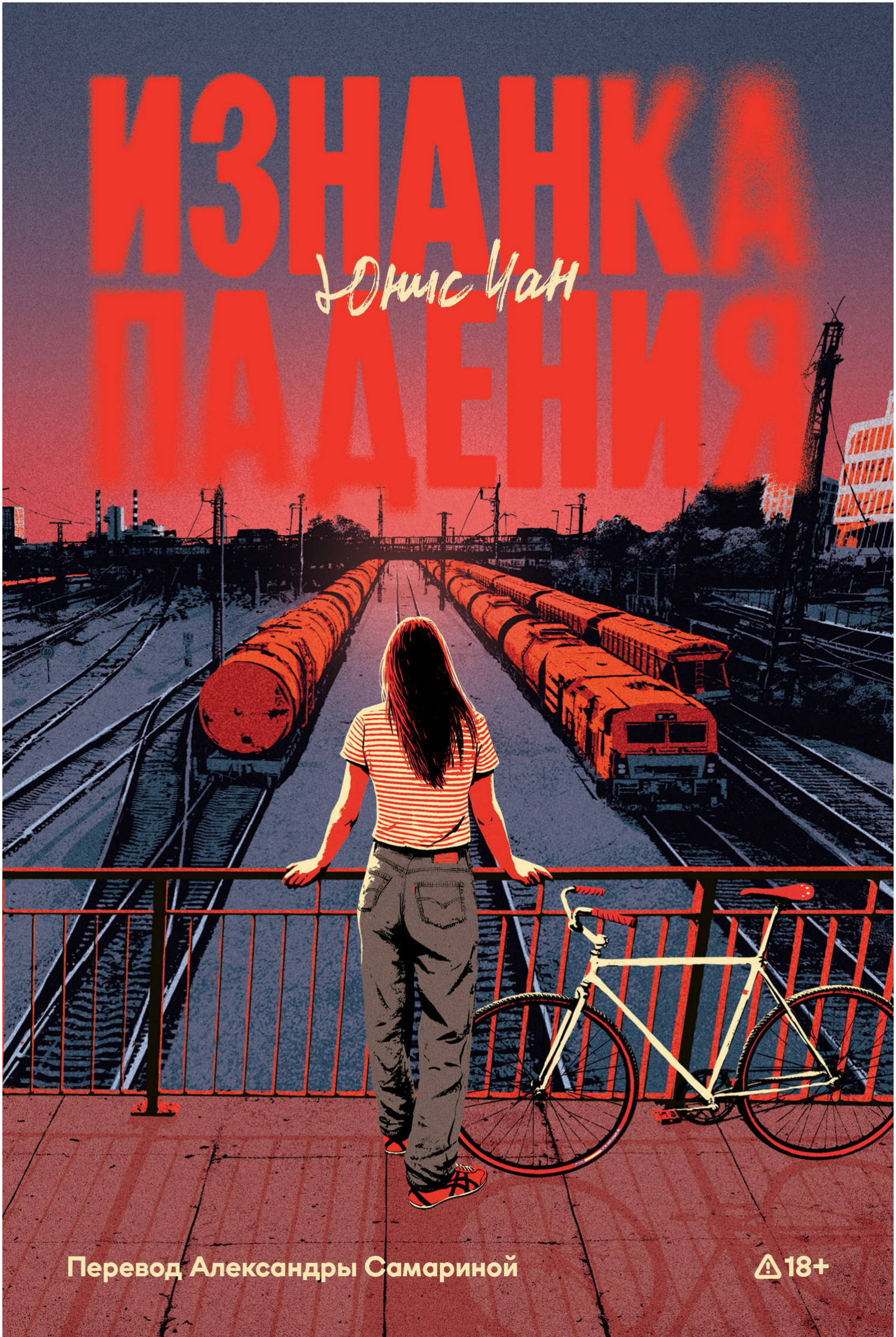
ИЗНАНКА ПАДЕНИЯ

Дэнис Чан

Перевод Александры Самариной

18+

Осколки сердца (Эксмо)

Юнис Чан

Изнанка падения

«Эксмо»
2025

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Чан Ю.

Изнанка падения / Ю. Чан — «Эксмо», 2025 — (Осколки сердца (Эксмо))

ISBN 978-5-04-257317-0

Многослойный и предельно честный роман о разбитом сердце, сильнейшем давлении семьи и о том, чем оно может обернуться для подростка. Для тех, кто любит эмоциональные истории в духе Кэтлин Глазго и Лоры Ноулин. «Все это нереально» — эти три слова Нина твердит как мантру с тех пор, как Итан Травверс шагнул с моста под товарный поезд. Он был ей больше чем просто другом, и так она защищается от правды, чтобы не сломаться. Ведь нужно поддерживать иллюзию идеальности для семьи, у которой не самые простые времена. Ради отца, ради мамы и властной бабушки Нина продолжает ходить в школу, готовиться к поступлению и заниматься музыкой, хотя в голове продолжает крутиться вопрос «Почему? Почему? Почему?..». Но когда Кармен, старшую сестру Нины, которую всегда ставили ей в пример, выгоняют из колледжа, иллюзия начинает трещать по швам. Странное поведение сестры заставляет Нину иначе взглянуть на историю Итана, на собственную семью — и на саму себя.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-257317-0

© Чан Ю., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

1 6
2 8
3 11
4 13
5 16
6 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Юнис Чан
Изнанка падения

THIS SIDE OF FALLING
by Eunice Chan

Все права защищены, включая право на полное или частичное воспроизведение в любой форме.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом авторского воображения, либо используются вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

© Александра Самарина, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027
Soda Press
Copyright © 2025 by Eunice Chan
Cover Art © Adams Carvalho

* * *

Моей семье – спасибо за свет, смех и любовь

1

«Все это нереально, – твержу я себе. – Нереально».

Пальцы крепче стискивают ручку футляра, в котором лежит моя скрипка. Я иду по коридору нашего арт-корпуса, и все на меня оборачиваются. И замолкают. Будто дело вовсе не в чьей-то дурацкой шутке, будто Итан Травверс в самом деле…

– Нина! – окликает кто-то.

Оглядываюсь. Сквозь толпу пробивается Роджер Кисимото и энергично машет мне длинной худенькой рукой. Хочет, чтобы я сбавила шаг. Остановилась.

– Нина Ян! – зовет он снова, только уже громче, и я даже издалека замечаю в его взгляде тревогу…

Нет. Это все нереально. Надо найти Беатрис Рыженков. Поскорее увидеться с ней. Узнать правду.

– Нина, подожди! – что есть силы кричит Роджер.

Но я срываюсь на бег, новые кроссовки скользят по истертому бетону, футляр со скрипкой бьет меня по ноге. Сегодня мы вышли с зимних каникул, второй семестр выпускного класса только начался. По коридорам разносится гул голосов, громко стучат дверцы шкафчиков.

– Так ты на Новый год в Париж летала?

Короткая заварушка и звонкий смех.

– Эй! Запиши мой новый номер!

– Извини, у меня баскетбол до шести. Может, завтра?

Обрывки чужих разговоров. Коллаж жизней: прошлое, настоящее, будущее…

Спешу мимо, петляю по школьным коридорам. Говорю себе: «Она может быть где угодно». К горлу тут же подкатывает знакомая горечь, напоминая об обратном.

Она стоит неподалеку от исторического корпуса: мгновенно узнаю ее спортивную фигуру, фиолетовые волосы, высокие берцы.

Бросаюсь к ней, но тут громко звонит первый звонок, возвещающий о начале занятий. Из женского туалета спешно выходит целая толпа девчонок, она подхватывает меня, разворачивает. Ноги у меня заплетаются, я падаю…

И с гулким стуком врезаюсь в ряд шкафчиков у стены. Те в ответ громко лязгают хлипкими дверцами. Парочка, обжимающаяся неподалеку, раздраженно глядит на меня.

– Не ушиблась?

Кто-то тянет ко мне руки, помогает выпрямиться. Я не отвечаю и не оборачиваюсь, потому что мой взгляд наконец выхватывает из толпы Беа – она стоит у противоположного ряда шкафчиков, крепко стиснув зубы и сжав кулаки. На костяшках алеет кровь.

– Беа? – зову я, но вместо того, чтобы обернуться ко мне, она со всей силы бьет кулаком в дверцу шкафчика Итана. А потом еще. И еще раз. Такое чувство, будто она боксировала ее все утро. И продолжит до самого вечера. – Беа, – снова зову я. Мне нужно, чтобы она на меня посмотрела…

Но она будто не слышит меня, будто не замечает зевак, собравшихся вокруг.

Я делаю к ней шаг. Тело охватывает напряжение – морально готовлюсь к ее язвительным комментариям. Она привыкла считать, что я Итану не пара.

Бам.

Новый удар получается таким громким, что я вздрагиваю.

Бам.

По щекам Беа бегут черные ручейки потекшей туши. Я впервые вижу ее слезы – раньше мне казалось, что плакать она вообще не умеет.

Бам.

Она опускает руки и отступает на шаг назад, тяжело дыша. Наши взгляды на миг встречаются, и тут я все понимаю. Вижу в них Правду.

– Нет… – Мой голос тонет в реве, который тут же поднимается в ушах. Оси дрожат, щебень летит во все стороны. Стальные колеса скрипят на стальных рельсах, набирая скорость.

«Ученик Старшей школы Дейвиса погиб на путях» – вспыхивает на экране моего телефона. А следом новостное приложение сообщает и имя погибшего. Его зовут Итан.

2

Через Дейвис – университетский городок, расположенный в северной Калифорнии, у магистрали I-80[1], между Сакраменто и Заливом Сан-Франциско, – идут и грузовые, и пассажирские поезда.

Станция расположена в черте города, и потому я давно привыкла и к железнодорожным путям, и к реву поездов – они такая же часть здешнего пейзажа, как фермерские угодья и хитросплетения проложенных в округе троп и велосипедных дорожек протяженностью миль в пятьдесят[2], а то и больше.

Но утром, пока я ехала в школу, меня не покидало ощущение, будто я оказалась в чужом, незнакомом мире. Вместо привычного шума утренних поездов я слышала только тяжелый стук собственного сердца.

«Это был не он», – твердила я себе, пока велосипед нес меня мимо дорогого гастронома, банка, кафе, где готовили пончики. Его имя попало в новости по ошибке. В конце концов, у нас в школе пять с лишним сотен старшеклассников…

Тут мне пришлось резко затормозить.

Кто-то перегородил путь к мосту через железнодорожные пути и поставил большой прямоугольный знак: «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Мы с Итаном часто ездили на великах этой самой дорогой: на подъезде к мосту толкались на узкой тропинке, ведущей в гору, а потом с ветерком спускались.

Позади меня развернулось несколько автомобилей, повинуясь маленьким черно-оранжевым знакам, указывавшим направление объезда.

«Нет, – думала я тогда и качала головой. – Нет». Но стук в груди становился все громче и тяжелее.

А теперь я подхожу к двойным дверям, за которыми пройдет первое занятие в этом семестре – репетиция нашего оркестра. Натужно сглатываю, стараюсь прогнать из памяти Беа, застывшую у шкафчика Итана, подтеки туши на ее щеках, окровавленные костяшки.

«Это все нереально», – напоминаю я себе.

Эти слова – стена, клин, вбитый между мною и Правдой, которую я увидела в глазах Беа.

– Ты идешь? – спрашивает литаврщик, придержав мне дверь в класс.

Да. Нет. Не знаю.

Огромным усилием заставляю себя кивнуть и, крепче сжав ручку футляра со скрипкой, делаю шаг в комнату.

В первый день после каникул в оркестре всегда царит хаос. То и дело опрокидываются складные стулья. Фаготисты с кларнетистами затеяли драку – трое на одного. Флейтисты отошли на безопасное расстояние и предусмотрительно прячутся за пюпитрами.

В дальнем углу кучкуются альтисты и громким шепотом обсуждают последние новости: их солисту недавно взбрело в голову сдать казенный альт, взять вместо него сузафон[3] и уйти в оркестр, который всегда развлекает публику на спортивных мероприятиях. Ну кто так делает?!

Нахожу взглядом скрипачей и иду к ним. Боковым зрением замечаю, что в маленьком кабинетике неподалеку от входа в класс горит свет. Мистер Мартинес, наш учитель музыки, работает за ноутбуком. На столе перед ним три чашки кофе и маленькая жестяная коробочка с мятными конфетками. Топливо на грядущее утро.

---

[1] I-80 – крупная магистраль в США, которая начинается в Сан-Франциско (Калифорния), а заканчивается в Тинеке (Нью-Джерси). Ее длина составляет примерно 4666 км. *Здесь и далее прим. перев.*

[2] Примерно 80,5 км.

[3] Сузафон – медный духовой инструмент с басовым звучанием.

Судорожно вдыхаю. Это все нереально.

Старшая школа Дейвиса занимает высокое место в национальном рейтинге и славится тем, что дает ученикам хорошую академическую базу – и уделяет огромное внимание развитию музыкальных талантов. Мистер Мартинес – строгий и требовательный преподаватель, и, когда осенью он написал мне рекомендательное письмо в колледж и помог подать несколько заявок на прохождение музыкального интенсива, я была на седьмом небе от счастья.

Пожалуй, стоило бы заглянуть к нему в кабинет и обсудить зимний репертуар для нашего струнного квартета. Попросить, чтобы посоветовал нам новый материал. В конце концов, именно он в этом учебном году поставил меня на роль солистки, которую я запорола.

Нужно во что бы то ни стало реабилитироваться в его глазах. Во всяком случае, именно это я твердила себе все каникулы. А теперь не могу думать. Не могу говорить. Миг, когда наши с Беа взгляды встретились утром, снова и снова проносится у меня в памяти.

Нереально.

– Извините… Прошу прощения. – Протискиваюсь мимо других скрипачей, пряча глаза и прижимая к груди стопку распечаток с нотами. Не хочется ни с кем разговаривать. Не хочется обращать на себя внимание.

– Нина, привет! Как прошли каникулы?

– Классная куртка.

– У тебя кроссы новые?

Мне и самой нравятся мои новенькие хайтопы и пуховик, создающий иллюзию, будто я много времени провожу на улице. Вероятнее всего, на каком-нибудь леднике. Но я не улыбаюсь в ответ и молчу. Под недоуменными взглядами одногруппников я сажусь рядом с Люси Бейерс, девушкой Роджера. На место второй скрипки.

Не первой.

Кладу ноты на пюпитр, открываю футляр, проверяю натяжение смычка, натираю его канифолью. Стараюсь заземлиться в привычном, в рутине. Напоминаю себе: вторая скрипка – это тоже неплохо, наоборот, очень даже хорошо. Хотя сама так не думаю.

Конкурс на роль концертмейстера – главной скрипки в нашем оркестре – проводили в начале декабря. Претенденток было три, включая меня. На слепых прослушиваниях нам велели сыграть один и тот же фрагмент. Все мои мысли тогда были об Итане и о нашем первом поцелуе, но я все равно ни капли не сомневалась в том, что сыграла прилично. Что обойду Люси, которая только в этом учебном году перевелась к нам из города Бойсе, штат Айдахо.

Итоги вывесили в последний учебный день перед каникулами.

Прикусываю губу, борясь с паникой, которая волнами растекается по груди, спускается по рукам до самых кончиков пальцев.

Люси сидит рядом, то так, то эдак скрещивая маленькие ноги в изящных лоферах. На ней очередной хендмейд-свитер с сайта Etsy, где можно купить одежду с надписями вроде «Будь добрее» или «Эмпатия – это круто». Сегодня у нее на груди красуется короткий совет: «Дыши».

Я вздрагиваю.

Люси запускает руку в свои блестящие рыжие волосы до плеч, наматывает на палец прядку. Деликатно откашливается:

– К-хм.

Делаю вид, что ничего не заметила.

Тогда увидимся завтра? – написала я Итану вчера в десять вечера, когда уже готовилась ко сну.

Ага.

Его ответ пришел в десять сорок. Где он тогда был? Еще дома и только собирался на улицу? Уже ехал на велосипеде? А может, добрался до моста?

Его смерть констатировали в одиннадцать пятнадцать.

Сжимаю кулаки – вдруг накатывает желание тоже что-нибудь с силой ударить. Теперь я понимаю Беа. Кусочек канифоли у меня в руке трескается от такого напора.

– Ну расскажи, – щебечет Люси, немного повысив голос и вернувшись в поле моего зрения. – Как прошел интенсив для молодых музыкантов? Ты же только недавно вернулась, да?

Наверняка ей хочется спросить совсем о другом. *Ты как? Я ужасно тебе сочувствую. Пожалуйста, если что-то понадобится – что угодно! – говори.*

– Ну да, – с трудом цежу я сквозь зубы, по-прежнему сжимая канифоль. – Нормально прошел.

Люси улыбается шире, мол, давай, расскажи поподробнее про эти полторы недели в Колорадо, расскажи, каково это – отсыпаться, пировать, дышать одним воздухом с главными музыкальными звездочками страны.

Но я молчу.

– Круто! – восклицает она наконец и тянется к своим нотам. – Рада слышать! Там же у вас собрались лучшие преподаватели! Мне было бы очень интересно поработать с Андре Вальдеччи, но у меня в эти даты была конференция по вязанию в Техасе, так что пришлось выбирать…

Потолочные светильники горят слишком ярко. Дрожащими пальцами я убираю канифоль в холщовый мешочек. Не надо было уезжать ни на какой интенсив. Лучше бы я провела каникулы с Итаном. Может, тогда все сложилось бы иначе.

– По местам! – командует мистер Мартинес и жестом зовет Люси в начало класса. У меня екает сердце.

Люси послушно выходит, поднимает скрипку, выводит чистейшую ля.

Мы – секция за секцией – подстраиваемся под ее инструмент. Ее, а не мой. Сперва подключаются деревянные духовые, потом медные, затем – низкие струнные, и только за ними скрипки. Сначала звуки плывут вразнобой, но вскоре сливаются в единую стройную ноту.

Когда Люси возвращается на свое место, я делаю вид, что внимательно изучаю распечатки, хотя перед глазами все плывет и вместо нотного стана, нот и примечаний о темпе и громкости я вижу только мешанину линий и точек.

Мистер Мартинес велит открыть третью часть увертюры Чайковского «1812 год». Мои пальцы машинально бегают по грифу скрипки, а смычок прыгает и скользит по струнам. Каждое движение отточено до автоматизма – и бездушно.

Мелодия становится все быстрее и выше, заполняет собой пространство, звенит у меня в ушах, накрывает волной.

А я все жду. Жду момента, когда путаница в мыслях наконец изгладится. Когда музыка поглотит меня и подчинит своей сладостной силе. Но не чувствую ничего, кроме боли.

3

Боль я не переношу. Любую. Будь это уколы, прием у дантиста, тренировка в зале.

Может, поэтому волейболу, который выбрала моя старшая сестра, Кармен, я предпочла скрипку. Я видела, как она страдает. Изнурительный бег, силовые упражнения, неизбежные травмы, а потом – походы по физио- и иглотерапевтам…

Но сейчас меня мучает другая боль, не похожая на ту, что изводит Кармен. Она пульсирует в голове. И в груди. Такое ощущение, будто мои внутренности медленно разрывают пополам чьи-то пальцы. Как же больно.

Едва раздается звонок с урока, я тут же вскакиваю со стула. У меня в голове уже сложился план: надо съездить к мосту. Да, из-за этого я опоздаю к началу физики – и испорчу свой безупречный балл за посещаемость.

Но мне нужно увидеть все своими глазами. Нужно узнать правду.

Убираю скрипку и спешу к двойным дверям класса, но дорогу мне преграждает Питер Капур – рядом с виолончелью в массивном футляре он кажется особенно маленьким и худеньким.

– Нина, привет! – здоровается он высоким плаксивым голосом. – Мы с квартетом репетируем у тебя дома в эту пятницу, правильно?

Серьезно? Я сейчас ни в чем не уверена – кроме того, что мне нужно бежать, нужно как можно скорее вырваться на свободу.

– В семь, да? – уточняет альтистка из нашего квартета, Мэдисон Кларк, ковыляя в нашу сторону в широких пижамных штанах и объемном худи.

– Нина, – зовет мистер Мартинес и жестом просит подойти к нему. – У тебя есть минутка?

Все плывет у меня перед глазами. Я проворно огибаю Питера, ловлю на себе озадаченный взгляд мистера Мартинеса и выскакиваю в коридор. Пол под ногами кажется таким шатким, словно я иду по палубе накренившегося корабля. Пригнув голову и опустив глаза, я лавирую между толпами учеников, заполонивших коридоры, пересекаю двор кампуса и спешу на велостоянку.

– Прикинь, они утром перекрыли мост с обеих сторон! – возмущается какая-то высокая девушка с нарощенными ресницами, крутя на пальце ключи.

– А зачем? – спрашивает ее подружка. – Рельсы же под мостом.

– Вот именно, – подхватывает девушка. – Пришлось добираться в объезд, столько времени потратила…

В груди что-то мучительно сжимается. Я выдыхаю и кладу на нее ладонь, будто так можно хоть немного унять боль.

Ребята парами и группками спешат мимо велосипедной стоянки – вот-вот начнется следующий урок. Мне бы взять с них пример, а то еще запишут в список опоздавших – или даже прогульщиков.

Но я захожу на стоянку, обнесенную сетчатым забором, и шагаю мимо длинных рядов чужих велосипедов к своему. Дрожащими руками выставляю нужные цифры на кодовом замке.

«Это был не он, – твержу я себе. – Произошла ошибка». Но эти слова не становятся мне надежным щитом.

Выкатываю велосипед со стоянки, перекидываю ногу через раму, нахожу правой ступней педаль и упираюсь в туклипс[4], обхватываю пальцами руль. Быстро набираю скорость, и чужие лица и голоса расплываются. Где-то вдалеке звенит первый звонок на следующий урок.

---

[4] Туклипс – элемент велосипеда, предназначенный для более надежной фиксации стопы на педали, представляет собой «рамку» из металла или пластика с прочным ремешком и напоминает стремя.

Стискиваю зубы, сжимаю пальцы так, что костяшки белеют, и быстро-быстро кручу педали, следуя маршрутом, который мысленно составила во время репетиции. Мчусь по кромке парка, чтобы немного срезать путь, огибаю лужицы после вчерашнего дождя, уклоняюсь от голых ветвей, которые протянули над дорогой огромные деревья. Пролетаю мимо деревянной детской площадки и арт-центра.

Громкий гудок поезда нарушает тишину, которая так пугала меня утром по пути в школу.

Мост по-прежнему перегорожен. Быстро сбрасываю скорость и осторожно лавирую между дорожными знаками – один из них впивается мне в руку острым углом и даже оставляет царапину, но я не чувствую боли.

Минуя заграждение, я переключаю скорость и быстро-быстро еду в гору. Дыхание становится рваным и жарким. Каждый оборот педали приближает меня к цели. Я все уже слышу. И вижу. Стальные колеса скрипят на стальных рельсах. Щебень летит во все стороны. Земля содрогается.

Десять ярдов, пять ярдов, два. Спрыгиваю с велосипеда.

Гудок разрезает воздух. Хоть я и стою на мосту, вес приближающегося поезда давит мне на грудь, а зубы стучат в такт лязгу его осей. На глаза наворачиваются слезы, а в горле встает крик. Вспоминается формула из физики.

Импульс – это масса, помноженная на скорость. Масса, помноженная на…

Хватаюсь за проволочную сетку защитного ограждения и неотрывно смотрю на поезд, пока последний вагон не исчезает под мостом.

– Мисс, должен попросить вас отойти.

Одиннадцать часов. Одиннадцать часов назад Итан перелез через защитное ограждение. И спрыгнул на рельсы, прямо под колеса грузовому поезду.

– Мисс…

Почему? Почему он это сделал?

Тяжело сглатываю, не сводя глаз с опустевшей железной дороги. Стальные рельсы ярко поблескивают рядом с неприметными деревянными шпалами. В лужицах дождевой воды, собравшихся у путей, подрагивает бледное безоблачное небо. Внезапную тишину вдруг нарушает пронзительный крик птиц, притаившихся среди голых ветвей в роще неподалеку.

Репортеры давно уехали, и сцена внизу кажется пустой и стерильной, будто тут ничего и не случилось.

– …Эта территория еще закрыта, – продолжает чей-то голос. За спиной у меня тяжело стучат шаги, а потом вдруг затихают.

Я медленно оборачиваюсь и зажимаю ладонью рот.

В руке у полицейского – велосипед, обвешанный какими-то бирками. Старомодный шоссейник с высокой рамой и загнутым рулем с коричневой обмоткой. Велик Итана.

Откуда-то изнутри прорывается вопль. Мои ноги подкашиваются, и земля стремительно приближается.

«Нина, ну зачем ты так? Нашла время для истерики», – с укором говорит мне мамин голос, вдруг зазвучавший у меня в голове.

Но уже слишком поздно. Мою грудь сотрясают всхлипы. Пальцы загребают несколько кусочков искрошившегося асфальта. По лицу бегут слезы и сопли, и я чувствую их вкус.

Рация полицейского оживает, слышится шум помех, следом – несколько невнятных слов и короткий ответ.

А из меня наружу по-прежнему рвутся утробные, нечеловеческие стоны.

Новые шаги. Щелканье раций. Голоса.

Я не могу двигаться. Не могу дышать.

Он уже никогда не вернется.

4

Разве можно вот так просто взять и исчезнуть? Словно шелковый платок в руках искусного фокусника. Без предупреждения, без объяснений. Вот ты был, а вот тебя уже нет.

Не может все быть так просто.

Хочется отмотать время назад, вернуться к самому началу. Когда еще не было ни вопросов, ни разногласий – только возможности. На три месяца назад. В тот октябрьский день, когда я впервые увидела Итана.

Первым уроком у нас стояла репетиция в оркестре. Мистер Мартинес отправил нас с Люси на встречу со школьным художником, чтобы мы обсудили с ним дизайн футболок для наших музыкантов на этот год.

Имя Итана Травверса я слышала и раньше. И знала, что именно он рисует школьные плакаты и делает муралы на стенах.

Если остальные ребята, перейдя в десятый класс, долго пытались приноровиться к старшей школе, Итан быстро в ней освоился и стал продвигаться по социальной лестнице. Даже до меня доходили слухи, что старшеклассники приглашают его на свои вечеринки.

В одиннадцатом классе он вдруг куда-то пропал. Некоторые поговаривали, что он перешел в «Да Винчи» – чартерную[5] академию у нас в городе. Другие утверждали, будто он занялся самообразованием. Один человек уверенно заявлял, что Итан уехал в Великобританию – стажироваться у уличных художников. Кажется, правды о том, где он, не знал никто. Вот только в нашей огромной школе, где учится почти две тысячи человек, он был для меня просто именем. Наши пути ни разу не пересекались.

В последний год учебы он вернулся. Вернулся так тихо, что я узнала об этом, только когда получила от мистера Мартинеса письмо с приглашением обсудить дизайн нашей оркестровой формы.

– Думаешь, это он? – спросила меня Люси, пока мы шли к школьной библиотеке – небольшому украшенному лепниной белому зданию со сводчатой крышей.

У входа стоял парень среднего роста, худощавый, волосы светло-каштановые. Мой взгляд задержался на его обтягивающей футболке, скользнул по темным джинсам, оценивая их фасон – не слишком узкие, но и не очень широкие, – и наконец остановился на увесистой холщовой сумке, которую он носил через плечо.

По пути Люси уже успела угостить меня порцией сплетен, услышанных ею об Итане, – хотя не то чтобы я об этом просила. Сложилось впечатление, что он любит одиночество, что он из тех, про кого не всегда поймешь – нарик перед тобой или гот.

– Возможно?.. – предположила я, удивившись про себя, что он совсем не похож на мрачного и задумчивого юного гения, которого я себе вообразила. Хотя, возможно, во взгляде можно было прочесть тоску и тревогу, как у всякого даровитого художника, – вот только проверить эту гипотезу я не могла, потому что парень от нас отвернулся, точно ждал, что мы подойдем с другой стороны кампуса.

– Привет! Ты, наверное, Итан! – начала Люси, приблизившись к парню, и протянула ему руку.

Я восхитилась ее смелостью.

– Он самый, – ответил Итан и уставился на ладонь Люси, словно бы не понимая, что с ней делать. – А ты…

[5] Чартерными в США и Канаде называют учебные заведения, которые финансируются государством, но при этом сохраняют автономию, совмещая таким образом особенности частных и публичных школ.

– Люси! – представилась она, улыбнувшись шире, чем обычно. – А это Нина.

Итан повернулся ко мне, и я вздрогнула, как бывает, когда уколешь палец или наступишь босиком на раскаленный асфальт. Такого я… никак не ожидала. Смуглая кожа, высокие скулы, светло-каштановые – почти золотистые – волосы падают на золотисто-зеленые глаза.

– Привет, – с трудом выдавила я из себя и тут же отвела глаза. Он застал меня врасплох. Да, все дело было только в этом.

– Это ты придумал дизайн футболок к осенней встрече выпускников? *Офигенно* получилось! – щебетала Люси с излишним, как мне казалось, энтузиазмом, пока мы все вместе заходили в библиотеку. – Я купила две: серую и темно-синюю!

– Очень рад, что задумка удалась, – вежливо ответил Итан.

– Еще как! – Люси снова улыбнулась. – А вот нашему оркестру с футболками не везет. Вечно лажа какая-то получается. Хотя мы стараемся исправить ситуацию! Несколько человек предлагали свой дизайн, потом было голосование. Но это…

– Не совсем ваше? – подсказал Итан.

– Наверное, – неохотно согласилась Люси.

Мне ужасно захотелось закатить глаза. *Нельзя же быть лучшей во всем.*

– Что ж… – начал Итан, открывая чистую страницу в блокноте для эскизов. Мне показалось, что его лицо на миг приняло смиренное выражение. Точно его заставили взяться за этот проект, заставили прийти сюда. – С чего начнем?

Люси тихонько прочистила горло. Месяц назад она переболела пневмонией и с тех пор часто так делала.

– Мы решили остановиться на теме свободы.

– Серьезно? – удивленно спросила я.

– Ну да. А ты разве… что-то другое хотела? – нахмурившись, уточнила Люси.

– Я просто не знала, что мы пришли к какому-то решению, – пожав плечами, объяснила я. – Только и всего.

– Ладно. – Люси распрямила плечи. – Я просто накидываю идеи.

– Причем только свои…

– Свобода, – быстро повторил Итан, записывая что-то в блокнот. – Хорошо.

– Цвет у ткани пускай будет черный, – добавила Люси, не обращая на меня никакого внимания. – Надпись «Оркестр Старшей школы Дейвиса» надо сделать голубой, а по бокам – нарисовать крылышки, как у ангелочка.

– Как у ангелочка? – уточнил Итан. Теперь пришел его черед хмурить брови.

– И чтобы нотки вокруг летали, – добавила Люси, поигрывая пальцами в воздухе.

Итан в замешательстве перевел взгляд на меня.

Я покачала головой. *Ни за что на свете.*

– Ну, вернее, нотки должны покачиваться на легком ветерке, которым веет от ангельских крылышек, – пояснила Люси, как будто эта деталь понижала градус тошнотворности ее задумки. – Подтекст такой: музыка освобождает!

Итан потрясенно смотрел на нее.

– Может, тогда заодно ястреба на фоне заката пририсуем? – постучав пальцем по блокноту, предложила я.

– Нина, у нас тут серьезный разговор! – возмутилась Люси.

– Так и я не шучу.

– Ястребы правда символизируют свободу, – поспешил мне на помощь Итан. – А еще – храбрость, силу, стойкость.

– Так себе идея, – отчеканила Люси, сощурив свои голубые глаза.

И что я тут вообще забыла? Ах да, кто-то же должен быть голосом разума.

– Ладно, – пожав плечами, сказала я. – Может, спросим совета у Итана? Как-никак, он эксперт.

Я успела заметить, как он удивленно вскинул брови, услышав слово «эксперт».

– А может, что-то такое… – начал он, уверенно и быстро набрасывая эскиз. – Футболку возьмем черную, но изобразим на ней спереди гриф виолончели. Белый на черном – получится очень стильно. Надпись «Оркестр СШД» пустим по груди тонкими узкими буквами – будто она выбита на камне. – Он развернул блокнот к нам, чтобы было удобнее смотреть.

Я привыкла считать себя ценительницей исполнительского, а не изобразительного искусства, но даже меня заворожили эти смелые, четкие линии и их простота.

– На планшете выглядеть будет гораздо лучше, – торопливо добавил Итан и опустил глаза. Шея у него слегка покраснела. – Можно будет поиграть со шрифтами и тенями.

– Ух ты! Как круто! Я же именно так и хотела! – восхитилась Люси, хотя это была наглая ложь. – Может, все же добавить белые ангельские крылышки по бокам от…

– Нет, – отрезала я.

– …грифа. Что думаешь? – спросила она Итана, снова пропустив мои возражения мимо ушей.

Итан по-прежнему смотрел на меня своими глазами, в которых зелени было куда больше, чем золота, а на его идеальных губах играла легкая улыбка.

Я опустила взгляд в стол. В горле вдруг встал ком, а ребра будто сжали в тиски. Я все пыталась высвободиться из них, выровнять дыхание – но тщетно.

Потому что Итан Травверс был прекрасен.

5

Ян никогда не закатывают истерики.

Таково одно из Главных Маминых Правил – или ГМП, как назвала их Кармен. Когда мы были маленькие, мама категорически не терпела истерик в отделе игрушек или в каком-нибудь ресторане, споров на людях, всего, что могло вызвать недовольство окружающих.

В список правил, которые мама вбила нам с сестрой в голову еще в раннем детстве, включались и другие пункты, например: *Ян всегда выглядят прилично* (иными словами, выходить за порог в домашней одежде и с непричесанной головой категорически запрещено) или *Ян никогда не опаздывают* (что, в свою очередь, обязывало нас всегда приходить на пять минут раньше, чем нужно, о каком бы мероприятии ни шла речь).

Если мы нарушали правила, наказание было мгновенным и запоминалось надолго. Нас могли отправить на занятия в центр, где преподают математику по системе «Кумон»[6], – даже если нам вовсе и не требовались дополнительные уроки, – или заставить собирать с маминых роз в саду тлю пинцетом в бумажный стаканчик, или во время еженедельных созвонов с бабушкой общаться с ней только на мандаринском.

Пока мы едем домой на мамином белом большом «БМВ» (идеально чистые задние сиденья пришлось опустить, чтобы вместился мой далеко не идеально чистый велик), я невесело думаю о том самом ГМП, которое я нарушила, – «Ян никогда не закатывают истерик».

На маме строгий брючный костюм синего цвета и туфли с высоким каблуком. Блестящие черные волосы чуть выше плеч старательно уложены. За последние четыре года – с тех пор как папа получил свой третий фармацевтический патент и нашел бизнес-партнера по имени Рич Башир, который стал помогать ему в «развитии стартапа», – маму уже дважды повысили, и теперь она занимает должность начальника отдела. Наверное, когда полиция позвонила ей и попросила меня забрать, она как раз вела совещание с подчиненными.

Мою грудную клетку еще сотрясают последние всхлипы. Торопливо вытираю опухшие глаза скомканным бумажным платочком. Класс физики, в котором я должна сидеть сейчас, на втором уроке, кажется далеким, подернутым пеленой тумана, словно кусочек чьей-то чужой жизни.

– В чем вообще дело? – наконец спрашивает мама, нарушая тишину. Она неотрывно смотрит сквозь лобовое стекло на четырех велосипедистов, которые сворачивают на перекрестке прямо перед нами. – Это из-за того мальчишки, да? – холодным, осуждающим тоном уточняет она.

«Его зовут Итан, – вертится у меня на языке. Мама наверняка видела утренние новости. – У него есть имя, и ты его знаешь».

Но она никогда не называла его по имени и не желала с ним знакомиться. Для нее Итан был просто помехой, которую мне следовало бы устранить, да поскорее. Ведь *Ян не заводят отношений до старшего курса колледжа.*

В отличие от Кармен, я это правило никогда не нарушала. А вот сестра вечно то встречалась, то расставалась с кем-то. Мне было не понять, чем же ее привлекает такая жизнь. Разве все эти отношения стоят нервотрепки, баталий с мамой, комендантских часов и наказаний?

А потом наступил октябрь, и я встретила Итана.

– Он на тебя исключительно плохо влиял, – продолжает мама, а я все молчу. – Вечно отвлекал от домашней работы, от подготовки к выпускным экзаменам и колледжу – и, главное, на что отвлекал? На футболки с принтами? На расписные стены?

«Он умер!» – хочется выкрикнуть мне, но я закрываю глаза и отворачиваюсь от мамы.

---

[6] Кумон – популярная японская методика, в игровой форме обучающая детей письму, чтению и счету.

Она не из тех, кто умеет поддержать в горе. Старшая из четырех детей, она, по бабушкиным рассказам, и слезинки не проронила, когда умер дедушка, – только начала учиться усерднее и в итоге закончила колледж с отличием, показав прекрасный пример троим младшим братьям. То же требовалось и от нас.

Вот только не всем достается такая решимость.

Мама все говорит, говорит, обрисовывая новые запреты, которые теперь посыпятся на мою голову, а мы тем временем выезжаем на нужную улицу, неспешно минуем несколько соседних дизайнерских домов и заворачиваем к нашему.

Я выскакиваю из машины раньше, чем мама успевает припарковаться. Озеленители, которые трудятся над нашим садом в стиле «ксерискейпинг»[7], провожают меня удивленными взглядами.

– Нина! – громко зовет мама. Оглядываюсь на секунду – она кивает озеленителям, пытается справиться с раздражением. – Нам еще твой велосипед выгрузить надо!

Но я уже распахиваю входную дверь и вбегаю в дом. Сбрасываю кроссовки-хайтопы в просторной прихожей, выложенной белым кафелем, и торопливо поднимаюсь по лестнице. Заскакиваю к себе в комнату, громко хлопаю дверью. Грамота в рамке за первое место в конкурсе имени Моцарта, в котором я участвовала в прошлом году, летит со стены на пол.

Он уже никогда не вернется.

Падаю на кровать. Изо рта вырывается сдавленный крик. Боль снова пронзает виски и грудную клетку.

Мы ведь должны были сегодня встретиться в классе графического дизайна в обеденный перерыв! И все десять дней, пока я уезжала на интенсив, переписывались. Восстанавливали, как мне казалось, доверие и взаимопонимание, которые у нас были, пока не явилась Беа и все не испортила.

И вот Итана больше нет.

В рюкзаке сигналит телефон. На дисплее умных часов высвечивается новое сообщение. Мой напарник по лабораторным работам спрашивает, почему я не на физике.

Я со стоном перекатываюсь на кровати и прижимаю колени к груди.

Слышно, как закрывается дверь гаража, как отъезжает мамина машина. Выдыхаю, но легче мне не становится. Вой газонокосилок в саду, кажется, и не думает стихать – эдакий саундтрек к маминому желанию достичь идеала во всем: и на работе, и дома, и в саду, и в семье. Абсолютно все должно выглядеть безупречно.

Ты тут?

Час спустя на часах появляется новое сообщение – в этот раз от Роджера, – и я чувствую укол совести. Он сын маминой лучшей подруги и наш бывший сосед, а еще мы с ним дружим с раннего детства. Утром он пытался завести со мной разговор, а я… считай, проигнорировала его. Хотя ему не привыкать. После знакомства с Итаном я совсем про него позабыла.

Где? – выжимаю я из себя в надежде, что ответное сообщение хоть немного загладит мою вину.

В спортзале. Тут экстренное собрание.

Я судорожно вдыхаю. К горлу подкатывает ком.

Где ты сидишь? – снова спрашивает Роджер.

Собрание для всей школы. Внедрение посткризисного протокола. Возможность получить психологическую помощь. Вместе пережить Потрясение.

---

[7] Ксерискейпинг (он же «сухой сад») – метод ландшафтного дизайна, позволяющий при помощи растений, устойчивых к засухе, а также камней, песка, гравия и естественных дренажных систем создать сад, который не будет нуждаться в частом поливе.

А меня там нет. Я закрылась у себя в комнате. Одна.

Одна.

Начинаю печатать ответ, а по спине бежит холодок. Я же этого и хотела, так? Хотела остаться наедине со своими мыслями, с болью?

Белые стены моей комнаты вдруг начинают расплываться, а беспощадные пальцы снова впиваются мне в сердце.

В голове проносятся последние сообщения из нашей переписки с Итаном, прочитанные нашими голосами, будто этот диалог разыгрывался вслух.

Тогда увидимся завтра?

Ага.

Нас ведь ждало еще столько всего…

«Ты мне нужен, – шепчу я исступленно и почти беззвучно. – Неужели ты этого не знаешь?»

На миг даже кажется, что Итан у меня в комнате. Я ощущаю тепло и уверенность от его присутствия, чувствую легкий, чистый аромат его парфюма. Зрение затуманивается, и две горячие слезы сбегают по моим щекам.

«Останься со мной», – молю я.

Тут голова вдруг начинает кружиться, силуэт Итана исчезает, а я погружаюсь в глубокий, лишенный сновидений сон.

6

Снаружи сигналит машина.

Я со стоном сажусь на кровати, закрываю лицо рукой. Горло болит, мышцы неприятно горят, а веки превратились в опухшие мягкие бугорки. Вместо привычной бело-розовой пижамы на мне те же джинсы и светло-серый свитер, что и…

Вчера.

И тут я разом вспоминаю все: Беа у шкафчиков, поездку к мосту на велике, возвращение домой на машине. Неужели я проспала целых девятнадцать часов? Кто укрыл меня одеялом?

– Нина! – Мама громким стаккато стучит в дверь моей комнаты. – Роджер приехал. Не заставляй его ждать.

Роджер. Мне снова становится стыдно за то, как я с ним обошлась накануне. Заигнорила сперва в школе, а потом в переписке. Странно, что после такого он вообще меня ждет. Если только это не мамина инициатива…

– Ты еще даже не встала! – возмущается мама, заглянув ко мне. – Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?

Она торопливо пересекает комнату, срывает с меня одеяло, и мне ничего не остается, кроме как подняться с кровати. Стоило догадаться, что вчера мне разрешили не ходить на уроки в качестве исключения.

– Нина, поторопись, – строго велит мама.

– Не надо меня подвозить, – ворчу я, содрогаясь от холода. Мама никогда не включает отопление на такую мощность, которая была бы комфортна мне. Говорит, это все ради энергосбережения, но, по-моему, дело просто в ее избирательной экономности.

– Еще как надо, – чеканит мама. Она расправляет одеяло, взбивает подушки. Каждое ее движение отточенное и уверенное. – Роджер будет возить тебя в школу и домой столько, сколько мы с папой сочтем нужным.

– Что?! – Мои ладони сжимаются в кулаки. Да, знаю, я нарушила одно из ГМП, но неужели нельзя учесть состояние шока? И мою потерю? Больше всего на свете мне хочется, чтобы она спросила, как я. Или даже сказала, что сожалеет о случившемся, назвала бы Итана по имени.

Ее взгляд задерживается на моих стиснутых кулаках, и на миг выражение лица будто бы смягчается. Но стоит мне моргнуть, и это ощущение пропадает.

– Не забудь причесаться, – наставляет мама. – Сейчас у тебя на голове воронье гнездо.

Ну да. Ведь самое главное сейчас – моя *прическа*.

Когда я наконец выхожу из дома, на подъездной дороге меня встречает старенький Geo Metro Роджера. Сегодня прохладно, но стекла в окнах его машины все равно опущены до самого минимума. Он сидит, высунув худую длинную руку в водительское окошко, и выстукивает по мятой дверце энергичный ритм.

Я заранее знаю, что на нем рубашка от бренда Kirkland Signature[8] и шорты-карго – от них же. Роджер носит их круглый год. Его семейство – главные фанаты магазина Costco.

– Нина Я.! – восклицает он при виде меня, но в голосе не хватает привычного оптимизма, а в темно-карих глазах читаются боль и тревога.

Быстро киваю и сажусь на переднее пассажирское место. Молю, чтобы он не заметил моих опухших глаз и заспанного лица. Пытаюсь вспомнить, когда мы в последний раз общались так, наедине, но не могу.

[8] Kirkland Signature – торговый бренд американской компании Costco.

– Ты наверняка помнишь старушку Аннабель, – дружелюбно подмечает Роджер, сдавая немного назад и выезжая на пустую улицу.

Он ничуть не изменился – все тот же добрый и вежливый (порой даже слишком) мальчик, с которым росли мы с Кармен. Тот, кто приглашал нас на молодежные мероприятия в местной церкви четыре года назад, когда атмосфера у нас дома была нервной и напряженной, потому что мои родители были слишком поглощены запуском папиного стартапа.

– Еще бы, – отвечаю я, скользнув взглядом по щербатой приборной панели, по сиденьям, затянутым пленкой. Робко кошусь на одометр. Аннабель тоже мало изменилась, разве что чуточку обветшала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.